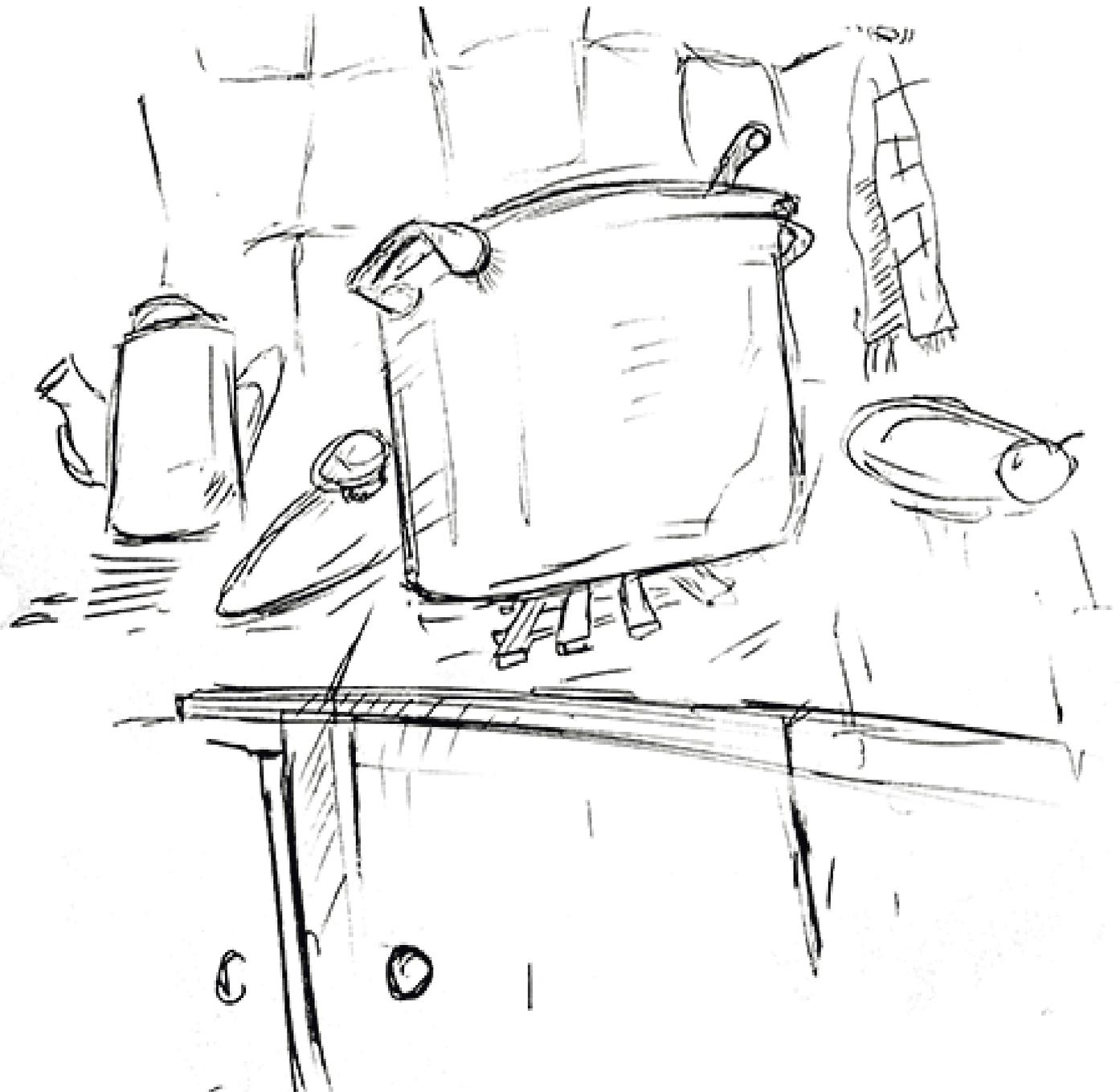

Алексей Москинов's

МОКРЫЕ НОГИ

Если хочется финансово поддержать автора
(то есть меня) – ни в коем случае
не отказывайте себе в этом желании.

Нереализованные желания рожают комплексы.

Никакого особого «откровения» в этом всём
написанном нет, это просто буквы и просто картинки.
Где-то забавные, в чём-то нелепые. Никаких целей это
всё «творчество» не преследует.

Тем не менее, если копируете себе (а вдруг?) – не
забывайте проставить ссылку на автора.

Ему (то есть мне) с этого будет приятно.

Спасибо.

<http://moskinov.ru>

<https://www.facebook.com/cybervantuz>

<https://vk.com/cybervantuz>

ЧТО ГДЕ:

3	КОСМОС	22	ПОРЯДКИ
5	ПИДЖАК	25	ОЛИВЬЕ
7	ПРО ОПЫТЫ	27	ШНУРКИ
8	ПРО ВСЮ СУТЬ	28	САМООЦЕНКА
9	СЕРЕЖЕНЬКА	30	ИЗ ВРЕДНОСТИ
10	ПРО ТАЙНУ	32	ОДНОЭТАЖНО
11	ПРО ТАКТИКУ	33	ДУЭЛЬ
12	ОТКРЫТИЕ	34	ГЛЯНЕЦ
13	САМОПОВЛИЯНИЕ	35	ТРАВА
15	ПОДДЕРЖКА	37	СВЕТ В КОНЦЕ
17	ПЕРСПЕКТИВА	39	МОЖЕШЬ?
18	КАТУШКА	40	А В ЭТО ВРЕМЯ...
20	ОДИНАКОВЫЕ	46	МОКРЫЕ НОГИ

Антонина Сергеевна обнаружила Федора Васильевича за натягиванием штанов.

- Ты куда на ночь глядя?

- В космос я, Тонь. Прости, так надо.

- В какой это космос?! Кому это так надо?!!

- Тонюш, ну, не начинай. Обычный космос, сверху который. А надо...надо всему человечеству наверное, - ответил Федор Васильевич, натягивая левый носок.

- Человечеству понадобилось! А я уже не человечество?!

- Тонечка, ты тоже человечество, конечно...- пробормотал Федор Васильевич, шевеля пальцем в дырке на правом носке.

- Человечество! Я ему - человечество! Вот как заговорил, ирод! Посмотрите на него!

- Да кто на меня тут смотреть будет? Кому я тут нужен, - огрызнулся Федор Васильевич, поправляя подтяжки, - а там, представляешь - там пыль далёких планет, куда не ступала нога человека!

- У нас дома пыли тоже сколько. Особенно в сарае у тебя. И туда тоже твоя нога не ступала. Начни с этого, а? Выкинь хлам, бензокосилку почини - два года ж лежит, ждёт!

- Но в космосе я же могу принести пользу!..

- И тут можешь. Покрась забор.

- Антонина, забор - это мелко!

- Хорошо, покрась два забора.

- Но ведь дух романтики... - взмолился Федор Васильевич.

- Как знаешь, - ответила Антонина.

Сидели на кровати молча. Федор Васильевич теребил ручку сумки с выцветшим облезлым Гагариным. У Антонины было полотенце.

- Тонь...

- Отстань. Хочешь - иди в свой космос.

- Там это... В космосе-то... Еда в тюбиках...

Антонина Сергеевна молча встала, сходила на кухню и швырнула на кровать пакет. Там, в тюбиках из-под пасты Жемчуг, был борщ, пюре, компот и даже яичница с помидорами, которую так любит Федор Васильевич.

- Тонь...это ж столько трудов... это ты когда?.. это ты зачем?

Антонина прислонилась к недокрашенной дверной коробке.

- Ну, что ж я - дура что ли совсем - не вижу, что тебе космос нужен? Просто, Федь, знаешь, космос он везде. И здесь, и там, и я, и ты. И дорожка наша. И речка. Всё вокруг - это космос. Там в тюбике сосиски лежат, поешь, пока горячие, не ужинал ведь...

Была тихая ночь. Ветерок, запутавшийся в занавесках, качал створку форточки. В ней, как в раме, тускло поблескивал хвост Большой Медведицы.

Облезлый Гагарин, брошенный в угол, смотрел на треники, выложенные из сумки.

В нашем космосе много дел.

ПИДЖАК

Один раз случай был. На "три месяца и двадцать пять дней с того момента, как мы в первый раз почти встретились" Татьяна подарила Игорю пиджак из вельвета. Хороший пиджак, добротный, коричневый. Карманы, пуговицы с перламутром. И вельвет такой настоящий, зрелый, какой и не найдёшь сейчас. Борозды — что плуг прошёл. Отвал ровный, большой. Полоска жирная, солидная.

Хороший пиджак.

Подарила пиджак Татьяна и говорит:

— Этот пиджак — волшебный. В нём любое желание сбывается.

А сама — глазом так подмигивает игриво.

— Волшебный. Сбывается. Ладно. — отвечает Игорь.

Посмотрела на Игоря Татьяна еще раз со всех сторон. Сказала:

— Какой ты всё-таки у меня хороший в этом пиджаке.

И умерла.

То ли хворь внезапная приключилась, то ли просто с женскими персонажами в литературе особо не церемонятся.

Но только Игорь с той поры загрустил, в кручину впал, в подушку лицом лежал. А потом на улицу пошёл.

А пиджак в шкаф бросил.

Ходит Игорь по проспектам, а вокруг — жизнь. Рождаются, умирают, в кино ходят. А он только по проспектам ходит. Да ещё и зима. Холодно без пиджака.

И встретила Игоря через некоторое время Ольга.

— Эх, хороша Ольга, — подумал Игорь, — и с эстетической, и с интеллектуальной сторон. И как личность тоже небезынтересна. Надену-ка я пиджак!

Отряхнул Игорь пиджак от шкафа, надел. И вспомнил тут, что пиджак — волшебный. И тогда загадал такое, чего словами писать нельзя, потому что всем такого захочется.

Пришёл к Ольге. И всё так, как загадал — так и было. Даже еще и на люстре, с клубничным сиропом и оливкой.

— Ух ты, — думает Игорь, — волшебный пиджак!

И стал тогда Игорь загадывать всякую ерунду, вроде чашки кофе, повышения по службе, карбюратора для Нивы и билетов на Щелкунчика для Ольги и подруг еёных.

Даже пару раз загадал чужь, вроде мира во всём мире, от чего все друзья, работавшие в области на оборонном заводе, остались без работы, пошли по домам, спились и умерли.

Но тревожно Игорю: всякий раз, когда он желание загадывал и оно сбывалось — на вельветовом пиджаке становилось на одну полоску меньше. И когда полос стало максимум на мелкий рубчик — пошёл Игорь к Ольге.

— Ольга, — серьёзно говорит Игорь, — осталось у меня мало желаний. Как чего загадаю — полоска пропадает. И как все пропадут, так расстанемся мы, наверное. Уж лучше я помру тогда.

- Дурачок ты, - отвечает Ольга, - желания сбываются от того, что каждый человек - кузнец. Полоски на пиджаке от моли пропадают. Пойдём лучше на люстру, станем разврат всякий меж собой учинять. И банку оливок захвати.

- Обожди, - говорит Игорь, - дело есть важное.

Взял Игорь тогда баллон дихлофоса, набрызгал пиджак. И полезли из пиджака моль, личинки, змеи и гады морские, а этажом ниже заорали соседи диким воем.

И тоже умерли.

Потому что дихлофос только в проветриваемых помещениях можно использовать.

А Ольга взяла Игоря за шею нежно и недвусмысленно. И стали они жить в понимании. А пиджак тот она в полнолуние облила бензином и на кладбище с хохотом сожгла. Но не потому, что он волшебный какой-то был, а просто Ольги вообще к бывшим Татьянам всегда с подозрением относятся.

Одно слово - бабы.

ПРО ОПЫТЫ

Один раз такой случай был. Бранила Ираида Захаровна Кирилла Тихоновича. Люто бранила.

Жили они гражданским браком уже тридцать лет и три года, и всё не удавалось Кириллу Захаровичу Ираиду Захаровну убедить в своей любви неземной, а только всё слышал в ответ:

- Вот у всех мужики как мужики! Баб приведут, с соседями бухают! А ты чего? Тилихента из себя строит, во дворе сидит, табуреты делает. И ведь вижу, вижу по глазам - задумал чего-то! Задумал! Не любит меня и не признается, а только следующей ложью прошлую ложь усугубляет. Вот опять приперся, инопланетяне его, видите ли, похитили. Опыты над ним, видите ли, ставили. Еще железок полную жопу напихал, содомит проклятый. Остальные мужики как мужики, а ты... а ты...

Кирилл Тихонович не слушал её, он сидел в сарае и вытаскивал плоскогубцами из задницы кибербиоантенну. Вытаскивал и думал, как он будет из руки микрочип доставать. Секатором больно, а щипцы для бровей Ираида Захаровна всяко не даст.

Так и жили долго и счастливо, до прихода межгалактического флота крислоидов, откликнувшихся на сигнал чипа.

В С У Т Ъ С У Т Ъ В С Ю В С Ю Д Р О Д Р О

Один раз такой случай был. Шел мужик, весёлый такой, видит — баба. Стоит, глазом моргает.

Говорит:

— Чойта ты веселый такой? А пойдём-ка, предадимся похотливому разврату!

Мужик и говорит:

— Да на работу бы надо.

А она опять:

— Ойдаладно!

Опоздал мужик на работу. И его уволили. Идёт грустный, видит — баба стоит. Глазом моргает.

— Чойта ты грустный такой? А пойдём-ка, предадимся прилбодениям всяким!

— Да работу надо найти.

— Ойдаладно!

Пока там они всякое такое — написали мужику в электропочту, что нужен он на работе.

Идёт мужик весёлый такой — видит: баба. Стоит, глазом моргает.

— Чойта ты веселый такой? А ну-ка пойдём, займемся неуместными соитиями!

— Да на работу бы надо.

— Ойдаладно!

Опоздал мужик на работу. И его уволили. Идёт грустный, видит — баба стоит. Глазом моргает.

— Чойта ты грустный такой? А ну-ка пойдём, предадимся минималистическому свальному греху!

— Да работу надо найти.

— Ойдаладно!

Пока там они всякое такое — написали мужику в электропочту, что нужен он на работе.

Идёт мужик весёлый такой — видит: баба. Стоит, глазом моргает.

И ещё.

И ещё.

И ещё.

Даже на мобильнике деньги с батарейкой закончились от звонков с новых работ.

Так и ходил в этот день мужик грустный-весёлый-грустный-весёлый-грустный-весёлый-грустный-весёлый.

Идёт весёлый, видит: санитары. Стоят, глазом моргают.

— Чойта ты то грустный, то весёлый. Заберём тебя в дурку.

И забрали. Весёлого забрали, лечить стали жёсткой таблеткой.

Но, конечно, не по своей инициативе. Санитар — он человеку друг. Это их всё бабы надоумили.

Объясняли, что они так за мужика волновались очень, за колебания настроения. Но на самом деле просто им не понравилось чего-то. Может, невнимательным был или ещё как — этих баб пойдя пойми, пона-раскрывают гештальтов, а ты ходи потом их закрывай.

Вот такая хрень, ребятушки.

Один раз позвали бабы мужиков, позвали и сказали:

- До свиданья, мужики. Прощайте.

А мужики такие:

- Чойта?

А бабы им:

- Время такое пришло. Раньше надо было мамонта ловить, пирамиды строить и тяжёлые доспехи таскать на себе. А сейчас ядерную ракету и дрона одной кнопкой запустить, фен уже изобретён, бульдозеры есть и электричество в розетке. Обойдемся без вас.

- А ежели не справитесь? - ответствуют мужики.

- В интернете закажем, - отвечают бабы.

- Ну а если шкаф подвинуть? Или утехи плотские какие? - обречённо вздохнули мужики.

- А для этого у нас Серёженька есть.

И показывают Серёженьку, которого в пробирке вывели. Весь загорелый, с улыбкой, приветливый, но не навязчивый, весь в квадратиках, про фламандскую живопись поговорить может, и подмышки пахнут ванилью с лёгкой ноткой апельсина. Ну, ясно, такой и шкаф поднимет, и вообще. Супротив пробирки чего скажешь?

Пригорюнились мужики

- А если на вас медведь нападёт?

- Не нападёт, вы ж его споили! - ответили бабы.

- Это верно, - ответили мужики и пошли с медведем водку пить и думать, что написать в модных фэшн-блогах и глянцевого журналах. Тут-то их никакой Серёженька из пробирки не заменит.

ПРО ТАЙНУ

Один раз такой случай был, что мужик один всё про баб понял, а особенно — что в бабах тайны никакой нет.

Бабы тогда обиделись, пришли все к мужику и говорят:

— Как же так! Мы — самые таинственные существа во вселенной, а ты такое говоришь!

А мужик и отвечает:

— Нет, бабы, таинственны кварки, пульсары и медведки в огороде. А вы — понятны.

И стали тогда бабы мужика спрашивать:

— А почему тогда мы тогда красимся всяким разным и рот открываем, когда ресницы мажем?

— А потому вы рот открываете, чтобы не сказать чего лишнего, а то скандал, разнервничаетесь и стрелки нарисуйте вертикально. А мажетесь всяким для маскировки. Идешь такой, а вы замаскировались, а потом кааак выскочите — и всё. Ухт.

А бабы такие:

— Ладно. А зачем тогда мы аккуратные, тщательные, красивые и вообще?

А мужик им:

— Это потому что иначе вы мужиками станете, а это чересчур.

Бабы

— Ну, ладно. А почему тогда мы водные процедуры любим?

— Это потому, что такая у вас, баб, суть.

Видят бабы — всё знает про них мужик, нет для него тайн. Тогда дали они мужику водку, он выпил и забыл про тайное знание.

А бабы так и остались самыми таинственными во вселенной.

ПРО ТАКТИКУ

Один раз такой случай был — прознали бабы, что мужики втихаря новогодний праздник празднуют, собираются и песни группы Чайф поют. Да решили бабы думать затею лютую.

Быстро все дела по спасению мира сделали, пока мужики на диванах лежали, прибрались, марафеты навели, в бусы оделись и сидят на кухне на табурете. Молчат.

Мужики только было хотели сказать, что им по неотложным делам надо, как видят — бабы нарядные сидят. В бусах. И мир спасён. И отпрашиваться как-то неудобно. Каждый мужик тогда бабе сидящей на табурете говорит: "Чего это ты?"

А она ему: "Ничего". И дальше молчит. Но сразу понятно, что не ничего, а очень даже чего.

А мужик тогда: "Я пойду?"

А баба ему: "Иди". И так потом молчит, что бусы блестят и сервизы в серванте позвякивают.

А мужик тогда: "Ну чо ты начинаешь-то?"

А баба ему: "Тебе показалось". А сама на табурете молча сидит и шеей в бусах гордится.

С тех пор перестали мужики на новый год встречаться вместе и петь песни группы ЧайФ.

Да, может, оно и к лучшему.

ЕЩЕ ОТКРЫТИЕ

Один раз мужик Виктор вдруг понял, что бабы челку в разные цвета красят не для чего-нибудь, а чтоб красиво было.

Причем, это не просто "красиво", а такое наполненное "красиво". Многогранное.

И это понимание так поразило мужика Виктора, что он немедленно выпил водки, лег в постель и проспал до вечера.

Один раз решили бабы на мужиков повлиять. А так вышло, что все бабы изощрения, способы и уловки они уже перепробовали и использовали, а повторяться — то нельзя — мужики тогда догадаться и вообще всякий страх и совесть потеряют.

И стали тогда бабы сидеть и думать.

Вот, молчат, сидят, думают. Ничего не придумывается.

А тут как раз мужики с вечерней водки идут.

Подходят к бабам, спрашивают:

— Чо сидите, леди?

А бабы сидят. Молчат.

А мужики снова:

— Чо случилось-то?

А бабы молчат, хмурятся только сильнее, потому что сильно их мужики раздражают тем, что отвлекают от мыслей про то, как мужикам насолить посильнее.

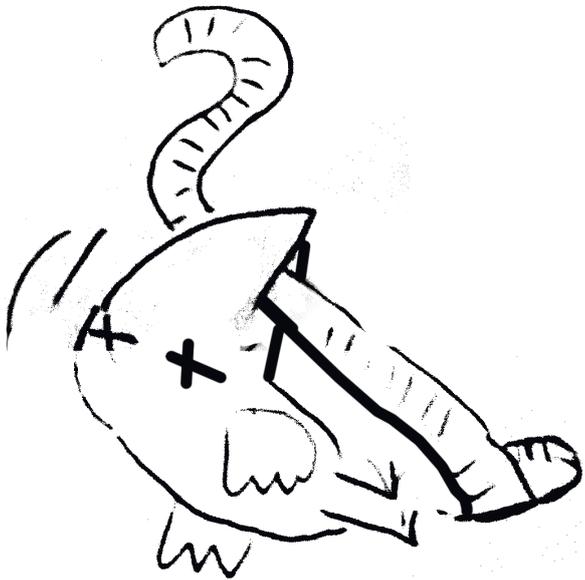
Мужики и так, и сяк. Сидят бабы, молчат, дуются непойми на что.

Тогда мужики пожали плечами и по домам разошлись. А как домой пришли — самоустыдились и самоповлиялись.

А тут и бабы приходят как ничего и не было. Веселые такие, довольные.

Как чувствовали.

ПОДДЕЖКА

Один раз такой случай был — сидел мужик на табурете посреди двора и думал о том, какой он, в сущности, бессмысленный по сути своей. Сидит, значит, смотрит (уж дырку в пыли просмотрел), а об него бабы шастающие с коромыслами спотыркаются.

— Чего сидишь, иродище поганое? Ишь! — говорят ему бабы с коромыслами.

А он им:

— Да как не сидеть на табурете посреди двора, бабы с коромыслами, когда, в сущности, бестолочь я и бессмысленный, по сути своей, субъект?

А они ему:

— Ну, что ты, что ты. Не бессмысленен ты вовсе. Без тебя просто никак. В тебе одного углерода килограмм 20 только! Ты — очень ценен для глобального биотического круговорота веществ в природе. А ещё, если тебя глубоко закопать, то из тебя получится нефть, тебя продадут и потомкам будет жить хорошо. Ну и как элемент пищевой цепочки тоже хорош. Погляди, сколько в тебе белков, жиров и углеводов! Не грусти, пойдя лучше трактор почини.

Прибодрился тогда мужик, сказал бабам спасибо и пошёл трактор чинить.

ПЕРСПЕКТИВА

Однажды такой случай был. Решили бабы как-то с мужиками разобраться. Чтоб мужики их ценили, холили, лелеяли и всякое. Ну и мужикам заодно насолить (куда без этого).

Думали-думали, не придумали.

Пригласили они тогда бабу-консультанта, которая эм-аром занимается (как пиар, только не паблик, а мужик релейшнз).

И говорит она им:

- Что для нас, баб, самое главное?

Ну, там, всякие версии высказывались. Правильную на четвертый или пятый раз назвали:

- Перспектива!

- Вооот!

И стали бабы мужиков перспективой осиливать. Для этого они собрали мужиков в поле, а сами встали вдалеке.

И тут между бабами и мужиками внезапно изба на колесах проехала. Горячая. Со стороны мужиков казалось, что бабы как будто в избу зашли. Это, конечно же, эффект перспективы был. Изба маленькая, бабы большие, но далеко. И она их закрывает.

И тут совсем за горизонтом табун коней скачет. Его горячая изба перекрывает, отъезжает - а баб нет, а конь большой стоит.

Ухты! Коня остановили! На скаку! И в избу горящую вошли!

Ну, понятно, конечно, что когда изба коней перекрывала, они за горизонт спрятались.

Но со стороны мужиков люто эффектно было. Во какие бабы! И коня на скаку! И избу горящую! Чудо-вандер-бабы!

Эх!

Сели тогда мужики вокруг коня грустить и пить водку. А конь-то был не простой, а троянский! Ночью из него бабы повлазили и мужиков устыдили всех до одного, а некоторым даже водку испортили.

А потому что нефиг!

КАТУШКА

Задумался однажды мужик — как так выходит, что самолёт летит, а за ним белая хрень остаётся. Непонятно. Ну, то есть в любой книжке по физике можно про инверсионный след почитать, но доверия как-то всё равно нет.

А баба ему постоянно говорит, что не на то ты жизнь тратишь. А сама катушку наматывает — с работы халтуру взяла.

Мужик тогда Ваське позвонил, Васька учёным работал. Спрашивает его:

— Как современная наука думает, вот инверсионный след...

— Конденсационный. Его так называют. Инверсионный не говорят уже.

— Ну, пусть конденсационный. Правда он или нет?

Задумался Васька.

— Я, — говорит, — всей правды сказать не могу, поскольку я секретный учёный. Но пойдёшь работать в аэропорт, где самолёты, там спроси Николаича.

И трубку повесил.

Говорит тогда мужик бабе:

— Надо мне в аэропорт пойти к Николаичу.

А баба ему:

— Не на то ты жизнь свою тратишь.

А сама катушку ниток наматывает.

Пришёл мужик в аэропорт, стал там работать. Нашёл Николаича.

— Расскажи мне, Николаич, по физике не должно его быть, а есть! Расскажи про след конденсационный.

— Не конденсационный, а инверсионный. Его конденсационный называют, чтобы правду от людей скрыть. Инверсию мира он делает. Вот, гляди.

Открывает Николаич гаечным ключом турбину самолёта, а в ней не мотор, а катушка ниток.

Самолёты-то тяжёлые, летать сами не могут. Поэтому аэропорт строят, и в каждом аэропорте немного технологии фашистских германцев. Той, что союзники после войны поделили между собой.

Огромные самолёты, что сами не полетят, запускаются в небо гравитационной катапульты, а чтобы работала катапульта — аэропорт делают большим и округлым. Он зданием тогда как резонатор. Отцепонькнут самолёты в небо, и тянут они за собой нитку, чтобы аэропорты, в каждом из которой кусок технологии, между собой спить, чтобы мир стянуть ниткой, чтоб он маленьким был.

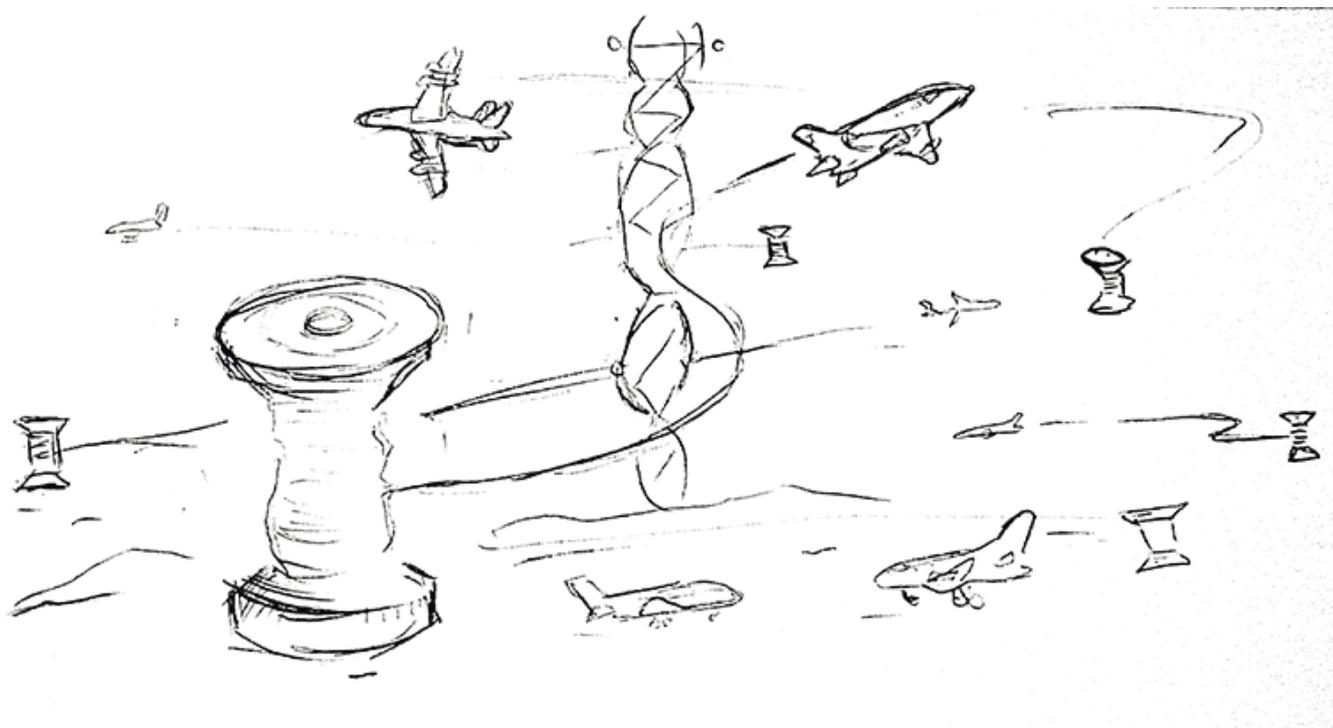
- Не на то ты жизнь свою тратишь, - отвечает баба, а сама катушку наматывает.

Это всё бабы придумали - стальной иглой-самолетом мир шить, чтоб он маленьким был и уютным. Потому их шитью и обучают всегда - чтоб шить накрепко, шаг за порог и море сразу. Но ими, конечно, учёные манипулируют - учёным надо технологию гравитационной катапульты вместе собрать, тогда и ракеты, и на Марс, и вообще.

Но сами учёные это сделать не могли - у них лапки. Политики - жадные и недалекие гуммантарики, про гравитационную катапульту им не объяснишь.

Поэтому если Марс колонизируют - это целиком баб заслуга. А пока - смотрите в небо, как самолёты мир шивают.

Серёга знал про это, но не мог сказать - секретный потому что. Да и Николаич не должен был бы, да все равно увольняется. Вместе с фашистской гравитационной катапультой ещё и технология управления передавалась.

Один раз такой случай был. Поссорилась баба с мужиком (на самом деле, конечно, мужик с бабой, он та ещё сволочь был, но не об том сказ).

А баба возьми, да накричи на него:

- Да все вы мужики одинаковые!

А он ей:

- Нет, это вы, бабы, все одинаковые!

Хлопнула баба дверь, выходит на улицу - а там бабы одинаковые ходят. Все до одной.

А мужик тоже дверь открыл, хлопнул, тоже вышел - а на улице одинаковые мужики. Все как под копирку.

Ну, перепугались мужик и баба, побежали друг к другу в чем были. Я был неправ! Нет, это я неправа была! Ты прости! Нет, ты прости!

Ну, там, целоваться стали, и всякое разное. Слюней по пол-рта. Красные. Довольные. Пыттят.

Противно даже.

Были бы не такими эгоцентричным шибанатиками - не пропустили бы атаку клонов на нашу планету.

Цивилизацию бы спасли, а не вот это вот.

Тьфу.

И, главное, за тот месяц, что до ядерной войны остался - ещё четырежды посрались.

«Де-жжжаа-вююю!» - подумал мужик. Ну не может же быть два одинаковых рассказа в одной книге. Совсем одинаковых, хоть они и про одинаковых и называются «Одинаковые». Что-то здесь не так. Хотел у бабы спросить - да видит, что из-под двери её странное свечение исходит. Ворвался он тогда в её опочевальную комнату неожиданно - а там бабы. И все разные, одна только егойная зазноба одинаковая, да и то - если с одной стороны смотреть. А с другой - такая же разная. Завыл тогда мужик голосом, побежал к себе, глядит - и тут все разные, только мужики. И упал тогда мужик в траву-мураву и прочий колхоз-навоз, и заплакал навзрыд по одному ему понятной причине. А баба смотрит из окна и говорит всем: «Зря вы так нарядились, маскараду вашего он не понял, чувства юмора нет у него боле никакого, а ну как теперь в нашей совместной жизни через это кризис случится? Подите все прочь!» - и выгнала всех.

Чем история бы закончилась - не знаю, как раз звездолёты подоспели.

Давным-давно, в старопрядичные времена, случай такой был. В глянцевой бересте (тогда на гламурную бересту скользкий слой наносили, чтоб ей не сразу подтираться, а прочитав успевали) один мужик написал, что главное — это естественность, а бабам, например, совсем не обязательно по пещерам на шпильках фигурировать, а в избе, что по-черному топится, свеклой щеки мазать не надо — не от того, что в дыму не видать ни черта, а просто нафиг так жить.

И бабам это даже понравилось. Стали они по писанному жить и порядками пренебрегать.

Пришли тогда к автору мужики и говорят — что за нафиг? Мы, блин, ишачим-патриархатим с утра до вечера, а ты такое пишешь, что теперь ни цок-цок, ни утимоярыбонька, ничего. И шубы недаренные лежат — не нужны никому, бабам синтепон подавай, а его ещё дофига тыщ лет ждать. Они ж из-за твоих пасквилей природу защищают. Спасём пушистиков! Саблезубый пушистик вчера Семёна сожрал и Ваську укусил, а мы и отомстить уже не можем. Всё из-за тебя! Что ж ты за мужик такой!

Схватили они мужика, содрали маску — а под ней баба.

Не, думают, что-то тут не чисто. Содрали с бабы маску — мужик.

Тьфу, пропасть, — думают. С мужика маску опять содрали — баба. С этой бабы — мужик. Так до вечера с фантомасом боролись.

А потом плюнули на эту диалектическую матрёшку и пошли водку пить.

А глянec мужики больше не читают с тех пор.

Скользкий он.

И по редколлегии вопросов море.

ОЛИВЬЕ

Один раз случай такой был.

Собрались бабы и стали завидовать. А потому, что у мужиков был секрет вкусного салата оливье, а с бабами они им не делились. Каждый день делали. И не делились.

И стали бабы думать, и придумали.

Они наварили кисель из горькой редьки, надавили прыщей из тропических жаб, поплевали в кастрюлю, еще всяких ядов добавили и разлили по бутылкам. Мужики пришли, всё выпили и упали спать, а бабы секрет салата похитили.

Мужики проснулись - рецепт не помнят совсем. Приходят к бабам, а те говорят, что, мол, нет. Теперь только по праздникам. И готовить его сами будем.

Мужики плечами пожали, а чо тут сделаешь. Стали жить вместе и праздника ждать. А жижу из прыщей жаб, к которой из-за баб привязанность развилась, разбавили живительным соком березовым, настояли на огуречной косточке и получилась водка.

А праздников каждый день нет с тех пор.

И в этом, кстати, бабы виноваты.

Спасибо, блин, большое.

ШНУРКИ

Одна женщина любила завязывать шнурки. Как увидит где не завязанные — сразу бежит, такая. Глаза выпучит, руки вперед тянет, на землю повалит и давай шнурки завязывать. Один, второй, третий. Все, что найдет. Потому как считала, что помогает человечеству через это, ведь на незавязанный шнурок можно наступить и получить травму. Её даже в телевизоре за это показали. Хвалили очень. Грант дали, дачу у озера. И популярность тоже.

А один мужик тоже любил завязывать шнурки. Тоже — как увидит, то бежит... бежит... Но от него убегали все, а психиатр сказал, что врёт этот мужик всё про помощь человечеству, просто у него на завязывание шнурков болезненная фиксация и всевозможный Фрейд.

И никакого мужику телевизора, газет, грантов и памятников на родине. Потому что с мужиками всегда так.

И стал тогда мужик шнурков избегать, а как совсем человечество спасти прижмёт — переоденется в женщину и ходит, завязывает. На некоторое время отпускало. Но уж без всякой популярности, конечно. И знать про него никто не знал, кроме одного кекса из Стерлитамака, который его соседом был по общаге — через стенку по ночам всё слышал.

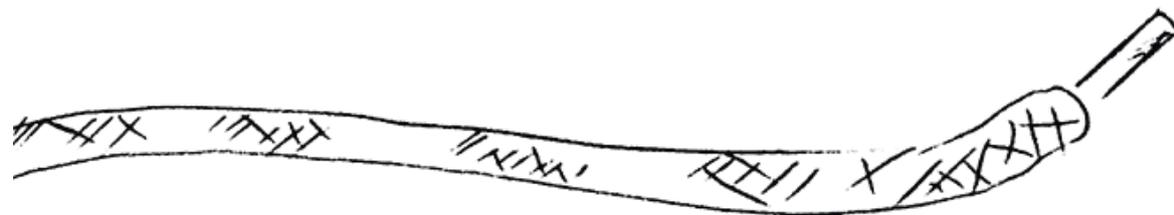
Но вот мужик этот женщину ту популярную в газете прочитал и влюбился дистанционно. И она тоже в него влюбилась. И тоже дистанционно, через одного кекса из Стерлитамака, с которым они вместе в общаге были.

Но вот когда эти шнуркофилы встретились случайно, то они мимо прошли. Потому что у женщины все шнурки по три раза были завязаны — что к ней бежать, а у мужика шнурков не было, липучки одни. Что с ним делать? И вообще он был в женщину переодет. Без шнурков, что тоже добавляло. Да и не каждая женщина к каждой женщине побегит. Даже в буржуазных устоях.

Вот такие истории в ихних европах происходят, где шнурки да липучки. У нас — то проще всё: в галоши ноги сунул и пошёл.

Или в валенки.

А чтоб грант шовинистический кому-то дали — так такого у нас вообще не может быть. Потому как равноправие и денег нет.

САМООЦЕНКА

Один раз такой случай был, что мужик один взял себе зарок — сосчитать, сколько снежинок в городе ночью упадёт. Чтобы самооценку поднять.

Как все спать легли — вышел он на улицу и стал считать. Считает—считает—считает. И тут видит — на площади под фонарем баба стоит, улыбается и снежинки в ладошках в воду превращает. А у мужика—то почти всё посчитано уже, он вот-вот почувствует себя мужиком, а тут такое вмешательство в эксперимент.

— Ты чо делаешь? — кричит ей.

А баба ему:

— Смотрю, растает снежинка или не растает пока часы 12 бьют.

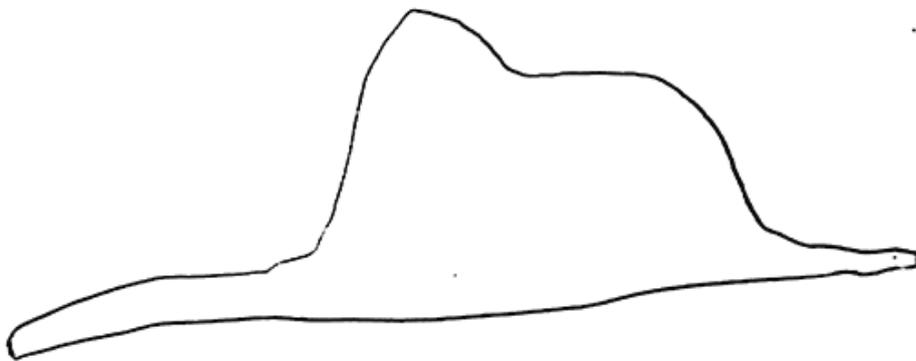
— Так они ж не бьют, — мужик вопит, — ты мне весь эксперимент испортила, да самомнение моё обрушила!

А она ему:

— Да как же не бьют, когда они у меня на плеер записаны! Смотрит мужик: а у бабы под прической наушник, а из него куранты. Плюнул тогда, домой пошёл, спать лёг и жил всю жизнь с пониженной самооценкой.

А мог бы просто спросить, сколько она снежинок растопила — баба б сказала, чо ей жалко, что ли. Наверняка считала, потому что все романтики — зануды, да и погрешность к тому исполнится мечта или нет, посчитать надо. А тут без математики никуда.

Но не умеют мужики с бабами разговаривать. Потому и живут без самомнения и самооценки.

ОДИНАКОВЫЕ

Один раз такой случай был. Поссорилась баба с мужиком (на самом деле, конечно, мужик с бабой, он та ещё сволочь был, но не об том сказ).

А баба возьми, да накричи на него:

- Да все вы мужики одинаковые!

А он ей:

- Нет, это вы, бабы, все одинаковые!

Хлопнула баба дверь, выходит на улицу - а там бабы одинаковые ходят. Все до одной.

А мужик тоже дверь открыл, хлопнул, тоже вышел - а на улице одинаковые мужики. Все как под копирку.

Ну, перепугались мужик и баба, побежали друг к другу в чем были. Я был неправ! Нет, это я права была! Ты прости! Нет, ты прости!

Ну, там, целоваться стали, и всякое разное. Слюней по пол-рта. Красные. Довольные. Пыхтят.

Противно даже.

Были бы не такими эгоцентричным шибанатиками - не пропустили бы атаку клонов на нашу планету.

Цивилизацию бы спасли, а не вот это вот.

Тьфу.

И, главное, за тот месяц, что до ядерной войны остался - ещё четырежды посрались.

Один раз такой случай был. Один мужик изобрел аккумулятор, который от бабьих истерик заряжается. Ну, а чо не изобрести его было, когда что ни день – скандал, что ни день – скандал. А то и два. Часа по четыре-пять каждый. А если еще подруги жены придут, тёща приедет, мать добавит и дочери подтянутся – так вообще. Столько энергии дармовой в воздухе висит, грех не изобрести. Ну, вот и изобрел.

С другими мужиками это перетёр, те говорят:

– Если ты придумал как бабью истерику в электричество перерабатывать, то это ж можно, чтобы бабы в трансформаторной будке сидели, а мы водку пойдём пить! Полезное изобретение. Дельное. Приходи завтра за Нобелевской премией.

Собирается, значит, вечером мужик. Аккумулятор решил зарядить. А к нему уже жена со скалкой идёт. И лицо такое уже, с льдинкой.

– Чтойта ты, Ирод, льбу развесил? Ты чо ржешь, козлина?

А мужик, знамо дело – хоть баба, а родной все-таки человек, да и рассказал ей всё. Про изобретения. Про машину, которая истерики в электричество перерабатывает. И про премию. Про всё.

Так мужика того взяли за руку, в щеку поцеловались, борща налили, водки дали, до утра разговоры вели и нежности проявляли. И так каждый следующий день.

Потому что ежели баба решит мужику насолить, то она может даже без скандалов вообще, да еще и в любви и гармонии, да еще и душа в душу, да еще и счастье, да еще и борща. Да еще и каждый день. Просто из вредности.

Гендерные особенности, не иначе.

ОДНО ЭТАЖНО

Давно дело было. Русь тогда была - одноэтажная, деревянная. Не то, чтоб с колен мечтала встать - еще вообще колени даже не отросли. И жила тогда баба. Пошла она как-то по воду с ведрами. Поймала в проруби щуку. И говорит ей щука человеческим голосом: "привет тебе, баба!" А та струсила - знамо дело, рыбы вообще молчаливы по сути своей, а эта не только звук издает, так еще и членораздельный!

Жутко!

Ну баба её, щуку, коромыслом и хренакнула со всех своих переживаний.

Тут и сказке конец, а из рыбы супец.

И никаких тебе печек самоходных и велений щучьих.

Бабы - они как-то прозаичнее все, к реальности они поближе.

Однажды в августовский вечер было душно и безветренно. Шум висел в воздухе вокруг беседки в саду. Да пахло чаем на травах, да дымком.

- Я вызываю Вас на дуэль! - вскричал Аполлинарий Дорофеевич, откусывая калач и закуривая трубочку с турецким горьким табачком.

- Полноте, Вы же даже не знаете, что это! - отвечивал Акакий Тихонович, откусывая сдобу, да отхлебывая чаю.

- Не знаю! - вскричал Аполлинарий Дорофеевич, откусывая калач и закуривая трубочку с турецким горьким табачком, - просто надеялся, что Вы бзднете стреляться!

- Да Вы изрядный пройдоха! - промолвил Акакий Тихонович, откусывая сдобу, запивая чаем, да ткнувшись за новой сдобой.

- Пройдоха? Я? Да полноте. А вот Вы - бестия. Как есть бестия! - вскричал Аполлинарий Дорофеевич. Откусывая калач и закуривая трубочку с турецким горьким табачком вскричал.

- Шельмец! Негодник! - воскликнул Акакий Тихонович, откусывая сдобу, да отхлебывая чаю.

- Прохиндей! Стервец! - вскричал Аполлинарий Дорофеевич, откусывая калач и закуривая трубочку с турецким горьким табачком.

- Плут! Охульник! - выдохнул Акакий Тихонович, откусывая сдобу, да отхлебывая чаю.

- Да Вы, Акакий Тихонович - жук! - вскричал Аполлинарий Дорофеевич, откусывая калач и прочищая трубочку.

- Жук? Я - жук? А Вы-то каков гусь, а? - обмолвился Акакий Тихонович, откусывая сдобу, да отхлебывая чаю.

- Я - и гусь? Ну это ни в какие ворота не лезет! - вскричал Аполлинарий Дорофеевич, откусывая калач и закуривая трубочку с турецким горьким табачком.

И, откусив еще калача, добавил:

- Я вызываю Вас на дуэль!

- Полноте, Вы же даже не знаете, что это! - вздохнул Акакий Тихонович, откусывая сдобу, да отхлебывая чаю.

До вечера спорили, пока Меланья расстегаю не подала.

Женщины, а бабы и подавно - они как-то сердцем чувствуют время.

Особые они.

Хотя вот в дуэлях не понимают ничего.

Один раз такой случай был. Задался Тимофей мыслью одной - вот если зубы лечишь, и слюноотсос работает, то куда слюни деваются?

Спрятался в стоматологической больнице за кресло, дождался ночи. А ночью видит - приезжает грузовик, и туда баки со слюнями проносят. Тимофей тогда в такой один бак спрятался, чуёт - везут его за город в лес. А в черном лесу тайный завод. В бак добавляют розовую краску, а потом из получившейся липкой жижи глянцевые журналы печатают.

Тимофей хотел выбраться из бака, а не выходит. А бак по конвейеру едет. Тимофей стучится в бак, а его не слышит никто. Завод автоматический, на роботах. А люди за новыми баками слюней поехали.

Не видели больше Тимофея. Но бабы говорят, что вроде бы он в мартовском глянце он проскакивал.

ТРАВА

Один раз такой случай был. Ощутил Семён Степанович странное чувство, будто у него трава под ногами растёт от невысказанно медленно, как сопли ползущего, в времени. Стал он говорить про то любви всей своей жизни Авдотье Никитичне.

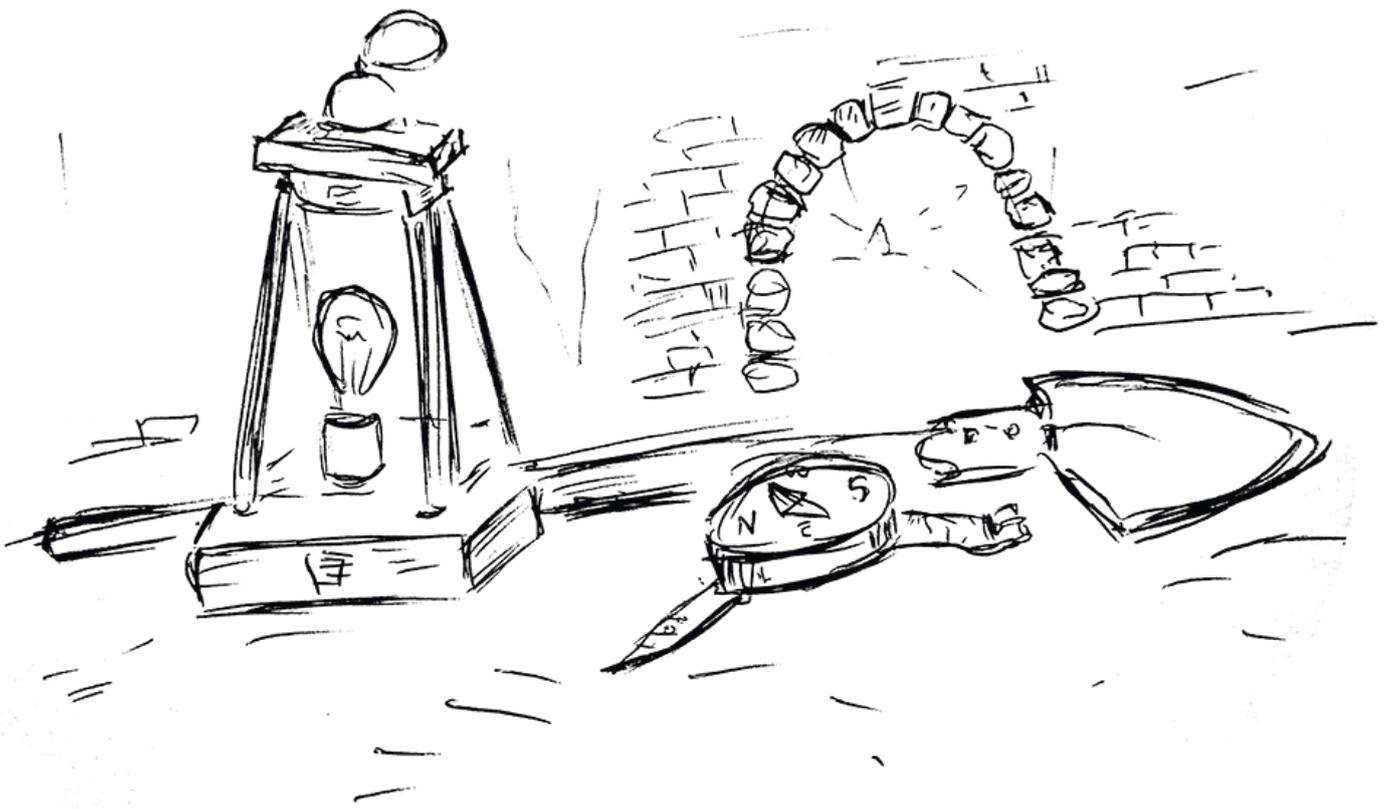
- Судьба моя, Авдотья Никитична! Как полагаете, это у меня от того, что я засиделся на одном месте и деградирую как мыслящий индивидуум в угоду пассивному принятию обстоятельств? Чувствую - трава под ногами растёт!

Авдотья Никитина ему:

- Из компоста вылезти, Ирод!

Бабы прозаичны.

Один раз такой случай был. Шел унылый Олег по заброшенной промзоне ночью. И тут, среди заброшенной промзоны, внезапно попался тоннель. Унылый. И тоже заброшенный. И темный вдобавок. Тогда унылый Олег осветил в него фонарём, увидел трехзначные надписи на бетонных сводах и ободранную валяющуюся изоляцию, отбитую штукатурку. И ясности это не прибавило. Тоннель оставался непонятным. И темным. И заброшенным. И ещё — унылым.

И тут не менее унылый Олег увидел свет. Где-то в районе как-раз тоннелева конца.

И пошёл.

Подобно гигантскому бескрылому слепому кроту-мотыльку, брёл унылый Олег по унылому тоннелю, то и дело спотыкаясь об железки, песок, палки и прочие унылые останки бывшего могущества державы.

Шёл и шёл.

Шёл, пока хватало сил.

Светил своим фонарём и шёл.

Свет в конце тоннеля приближался, и из темноты вынырнула Ольга.

В её руках был фонарь.

Она была тоже унылая. <http://moskinov.ru/docs/waterbook.pdf>

И тоже шла на свет.

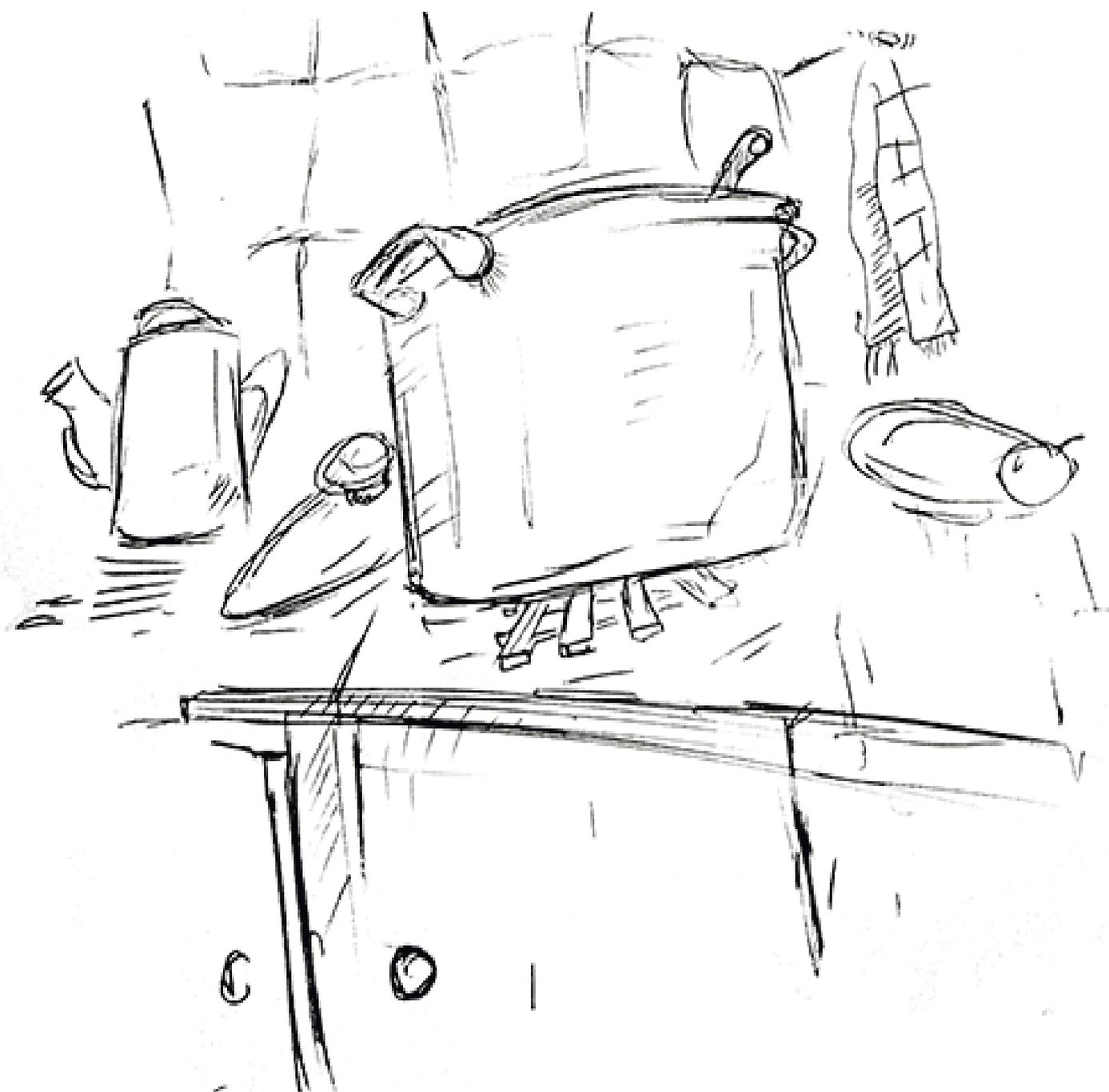
Потом они смотрели друг на друга.

Потом у них кончились батарейки, и они стояли в темноте.

И стояли они в темноте среди заброшенного унылого тоннеля долго и счастливо, пока сторож не выгнал.

Сторож тоже унылый был.

Там вообще достаточно унылое место.

Один раз такой случай был: влюбился мужик в бабу. Приходит и говорит ей человеческим голосом: "Ы! Люблю-не могу!"

А она ему:

- А чо не можешь?

А он:

- В смысле?

- Ну, ты только что сказал, что не можешь...

- Люблю-не могу!

- Это я слышала. А не можешь-то чего?

- Ну, это я образно, так говорят просто... - отвечает мужик.

А баба ему:

- То есть всё можешь?

- Всё могу!

- Обманул, значит?

- Да не, ну ты что...

- Иди-иди, обманщик!

А мужик разозлился, говорит:

- Не обманщик я! А вот пойду и найду, что не могу.

И пошёл.

Искал-искал. Всё пробовал. Всё получается.

Возвращается к бабе грустный.

- Ну, как? - спрашивает та его, - Чего не можешь?

- Всё могу. А без тебя - не могу.

- А со мной?

- С тобой - не знаю.

- Ах, так? То есть когда ты говоришь, что любишь, то это ты без меня любишь, а если б я согласилась, то ты уже и не знаешь, да? Пойди прочь, постылый! Знать тебя не хочу!

Поцеловала горячо и дверь захлопнула.

Потому что это только женщины - высокоорганизованные личности, а у мужика одно на уме быть должно. А если там не одно, да еще и с вариациями, да еще и объяснить внятно не может - ну и чо это тогда вообще за чо?

Женщины странные.

Один Андрей видел в людях только хорошее. А ещё он любил Зинаиду, и говорил ей:

- Я спасу тебя от всех мудаков!

Но он видел в людях только хорошее, поэтому спасать было не от кого.

Один Артём утверждал, что ради Елены горы свернет.

- А ведро вынести? Когда рак на горе свистнет?

Горы, кстати, были свернуты, поэтому рак свистел в противоположном направлении.

Один Николай любил культурные проявления. Ираида Тихоновна даже говорила:

- Николай, пойдёмте сексом заниматься!

А Николай отвечал:

- Минут через 5, Ирэн, минут через пять! Феличита! Анусьяно матане, курипизани да феличиана!

И продолжал танцевать на балконе голым при луне, потому что культура - она повсюду.

Один Владислав сарказм любил. Если хочет с какой-нибудь Натальей познакомиться, то так это обставит, такие слова удачно подберет, что Наталья из города уедет, да ещё всем подругам про Владислава скажет. Зато на работе отдел Владислава план выполнял всегда. Потому что сосредоточенность.

Один Константин всегда говорил Юлии Александровне:

- Юлия Александровна, а знаете ли, что ежели сквозь мошонку фонариком просветить, то на потолке театр теней про Шалтая-Болтая показать можно.

Юлия Александровна в этот момент всегда трубку бросала. Современное искусство вообще мало кто понимает.

Один Олег Степанович очень супругу свою Антонину Петровну любил. Поэтому жил с другой, чтобы бытом не разрушить хрупкий замок их нежной любви. Антонина Петровна и муж её Игорь Вячеславович очень благодарны были.

Один Олег Степанович очень супругу свою Антонину Петровну любил. Поэтому жил с другой, чтобы бытом не разрушить хрупкий замок их нежной любви. Антонина Петровна и муж её Игорь Вячеславович очень благодарны были.

Один Александр не позволял себе лишнего.

— Нет, это лишнее, — говорил он.

Один Василий узнал, что баба — не человек. Идёт как-то по лесу и видит: бабы на полянке собрались. Стал наблюдать. А бабы застежки на шее под прическами расстёгивают, кожу снимают, а там не бабы вовсе, а инопланетяне синие. Увидели они рентгеновым зрением Василия, напрыгнули и стали эксперименты ставить. Духами навоняли, засосов понаставили и помадой перемазали всего. По крайней мере Василий так дома утром рассказал. Нет повода не верить — мужик с виду порядочный и среди уфологов авторитетный.

Одна женщина намазала на ресницы и бровушки банку туши, начесала прическу, надела перчатки до локтя, чулки, ботфорты и пальто на голое тело. Не какое-нибудь, с воротником! Потом подумала, и ещё поддела труселя по колено с дыркой и рисунком в горох (когда такие труселя наденешь — всегда прекрасный принц встретится). И пошла, значит, на помойку мусор выносить. Но принц не встретился. Гад какой.

А другая, значит, тоже принарядилась, подходит к мусорке, а там кавалер. На принца не тянет, но говорит уверенно: "здравствуй, суженная, я король помоек!". Она усмехнулась и ушла, а это олигарх оказался, который мусоровозом в целом регионе руководит, конечно, не принц, но всё-таки.

Один Степан в детстве обратил внимание, что, если ступеньки считать, когда поднимаешься и когда спускаешься, то при спуске на одну меньше выходит. То есть, прикинь, никуда не переместился вроде бы, а на одну ступеньку выше стал. Его за это потом в школе сильно били. И в институте не понимали. Да и на работе тоже недолюбливали. А то, что жена ушла, так она вряд ли из-за ступенек. Хотя, оно как бывает — одно за другое зацепится... Бабы они вообще такие — про ступеньки вообще ничего не понимают.

А ещё одна сколько ни ходила – никого не встречала. Придет с мусорки, сядет в уголок, подопрет щеку кулаком, слезу с челки смахнет и думает часами о далеких мирах, яхтах и пальме. И о принце, чтоб говорил на непонятном красивом языке, и весь в кубиках. А муж в это время картошку чистит.

А одна как выйдет с ведром на улицу – так принцы к ней так и липнут, спасу от них нет. Причем, все на бэнтли, и один другого расфуфыренной. Утомили прям.

Короче, тяжело живётся женщинам в эпоху угасания гендерных стереотипов. Принцам, правда, тоже нелегко – смотреть в оба надо. Как какая женщина к помойке идёт – за гаражи надо бежать прятаться, петлять, чтобы сбить со следа, да в талом снегу зарываться среди окурков, каках и потерянных корон.

Но он мужик. Он должен.

Вот Анатолий, например, был предельно осторожен при выходе из последней двери последнего вагона, стоял справа, а проходил слева, берёт смолоду, а всё равно потом в урочный час отравился селёдкой.

А всё почему? Это ведь только когда гидрометцентр скажет правду, мы перестанем обманывать друг друга. А пока – врём, недоговариваем. Не говорим всей правды.

Сами всей правды не говорим!

Что уж от радиотрансляции ждать?

А?

Вот то-то же...

Один раз такой случай был. Святослав Никифорович обнимались с Катериной Степановной так люто, как котов жамкают только, но потребно, без всякой невикторианской nepoтpeбцины. И так внутри засвербило у Святослава Никифоровича, что пал он на колено пред Катериной Степановной и сказал: "Катерина Степановна, должен я вам сказать то, что берёг, что не говорил никому. Заветное, секретное".

И молвит ему Катерина Степановна: "Ах, неужто, Святослав Никифорович?!"

А тот говорит: "Да". И произносит Катерине Степановне слова заветные, которые никому-никому говорить нельзя – шестизначный код подтверждения платежа с банковской карты.

Захотала тогда Катерина Степановна неприлично и, подобравши подол, гогоча убежала в ночь.

Всю ночь Святослав Никифорович пил горькую и курил длинную. А на его счету – сотрудники Сбербанка не дадут соврать – подозрительные переводы средств происходили.

Один мужик как-то работал с бигдатой, а потом бросил - мусорный полигон закрыли.

Одна женщина жрала жраку в невероятных количествах и совсем не толстела. Не потому, что продала душу дьяволу (хотя и это тоже), а потому, что на жевание расходовала все получаемые калории. Потому что жевать - важно.

А одна женщина страсть как любила петь ультразвуковой йодль. Настолько любила, что сделала из этого бизнес - она пела сквозь пациента, а с другой стороны компакт-диск держала, и на него в mp3-формате записывались органы. Послушаешь и поймешь, что как. Развалился бизнес. Ну, блин, кто в наши дни добровольно йодль будет слушать?

А один мужик ехал с воскресенья в понедельник утром. И каждому разное говорил: "Бабуль, вы б утром-то рано так не ездили?" или "Девушка, а вот это вам идёт!" или "Да проходи, контроль через два автобуса едет, в нашем чисто". А когда кто выходил в майке с надписью, то высовывался в окно и орал: "Вааааа! Чувак! Слэйер - это бомба! Я думал, я один их слушаю".

А одна девица была мрачная и крутая, но никто про это не знал, потому что днём одновременно мрачность и крутость, а вечером - вроде как, и не положено.

А у одного мужика руки короткие были. Махонькие. И его в лабораторию забрали, чтобы из мужика, значит, ген тираннозавра получить. Оказалось, что просто руки росли из задницы, поэтому через плечи совсем чуть-чуть вылезли.

А одни люди в воскресенье ложились спать и не знали, что будет завтра. А завтра был понедельник. А один мужик так плохо учился в школе, что слово Йод писал с тремя ошибками - Ёт. И его понимали. Потому что понимание - важно.

А другой мужик узнал, что для того, чтобы решить проблему, надо думать как проблема, самому стать проблемой. Жаль, что узнал он из паблика смешных цитат. А проверять источники - важно.

А один мужик всматривался в бездну, но в ответ никто так и не посмотрел. Потому, что смотреть надо было не в бездну, а вокруг. Потому, что замечать бездну вокруг - важно.

А одна женщина купила книгу "Невероятный кладёзь женской мудрости", прочитала её, а потом весь вечер молча сидела с бутылкой бужоле, уставившись в одну точку. Потому что вот ты какой... клаааадезь...

А мужик один придумал, как захватить весь мир, а потом бросил эту затею, потому что, находясь внутри этого мира, нельзя захватить весь мир, а как только ты становишься не от мира сего - за тобой санитары приходят сразу. Потому что - а кто ещё?

Вот так они все и жили. Да и фиг с ними.

А ПОТОМ БЫЛО

ЛЕТО...

МОКРЫЕ НОГИ

Один раз такое было. Шёл мужик вечером домой, увидел – туман возле леса. Но не такой туман, что не поймешь – где начало, где конец. Странный. Густой, как сметана. И видно, что вот тут тумана ещё нет, а дальше – есть.

– Странный туман, – сказал себе мужик, достал из чемодана кастрюлю, зачерпнул немного тумана и домой понёс.

Дома в холодильник поставил.

Ночью слышит – зовёт кто-то.

– Эээй! Ау! Ау!

Из холодильника зовёт.

Мужик всполошился. Спрашивает:

– Кто тут?!

А ему:

– Ау! Ау! Помогите!

Открыл мужик холодильник, достал кастрюлю, крышку снял, а в кастрюле махонький огонёк блуждает.

– Ау! Дяденька! Ты тут? Отзовись! Помоги!

Пошарил мужик рукой по кастрюле – нет ничего. А огонёк ходит.

– Кто тут? Кто ты?

– Здесь туман. Не видно ничего. Куда идти, подскажи!

– А куда выйти-то надо?

– Куда-нибудь! Из тумана! Здесь холодно и не видно ничего! Помоги, пожалуйста!

– На голос иди. Я буду говорить, а ты иди, хорошо?

– Хорошо, ты только говори, а то холодно, темнеет и ноги очень промокли.

Всю ночь мужик проговорил – просто говорил, до ста считал, про работу рассказывал, про то, как самолётик клеил, стихи говорил, которые помнил. Песни. Пересказ рассказа из внеклассного чтения. Все слова, что были, говорил. А в кастрюле огонёк блуждал.

Под утро заснул мужик. Проснулся – тумана нет.

Побежал тогда к лесу, ходил, звал – не откликается никто. Стал узнавать – не пропал ли кто вчера, а ему отвечают, что вчера – нет, а триста лет назад случай был. С тех пор ручей, что через лес течёт, Волчьим ручьем называется.

Книга снега – про холод и непонятное.

Книга воды – про весну, мужиков и баб.

Книга пара. Про лето и работу всякую.

Книга льда. Про урожай и запасы на зиму.

УВИДИМСЯ ЛЕТОМ!

